

Научная статья

УДК 343.3

doi 10.63118/3034-3259.2026.9.3.004



Уголовная ответственность за буллинг несовершеннолетних в образовательной организации: проблемы криминализации и квалификации деяний

ЮЛИЯ ЮНИРОВНА ГИЛЬМУТДИНОВА

Научный пенитенциарный клуб, Уфа, Россия, yuristyfa@mail.ru

Аннотация. В статье рассматривается уголовно-правовая оценка школьной травли. Автор анализирует практику вынужденной квалификации буллинга по «смежным» составам УК РФ, выявляет «зону безответственности», в которую попадают систематическое унижение, кибербуллинг и социальная агрессия, а также обсуждает возрастной порог ответственности и пределы ответственности педагогических работников. На основе сравнительно-правового анализа (Франция, Италия, Япония, США) предлагается модель специальной нормы.

Ключевые слова: буллинг, травля, кибербуллинг, несовершеннолетние, криминализация, квалификация преступлений, образовательная организация.

5.1.4 Уголовно-правовые науки.

Для цитирования: Гильмутдинова Ю. Ю. Уголовная ответственность за буллинг несовершеннолетних в образовательной организации: проблемы криминализации и квалификации деяний // Lex criminalis scientiarum. 2026. Том 3. № 3 (9). С. 190-*. doi 10.63118/3034-3259.2026.9.3.004.

Original article

Criminal Liability for Bullying of Minors in Educational Institutions: Problems of Criminalization and Classification of Acts

YULIA YU. GILMUTDINOVA

Scientific Penitentiary Club, Ufa, Russia, yuristyfa@mail.ru

Abstract. The article examines the criminal-legal assessment of school bullying. The author analyzes the practice of forced classification of bullying under "related" provisions of the Criminal Code of the Russian Federation, identifies the "zone of irresponsibility" that includes systematic humiliation, cyberbullying and social aggression, and also discusses the age threshold for liability and the limits of liability for teaching staff. Based on a comparative legal analysis (France, Italy, Japan, the USA), a model of a special norm is proposed.

Key words: bullying, harassment, cyberbullying, minors, criminalization, classification of crimes, educational organization.

5.1.4. Criminal legal sciences.

For citation: Gilmudtinova Yu. Yu. Criminal Liability for Bullying of Minors in Educational Institutions: Problems of Criminalization and Classification of Acts. *Lex criminalis scientiarum*. 2026, vol. 3, no. 2 (8), pp. 190-195.
doi 10.63118/3034-3259.2026.9.3.004.

Травля в школе перестала быть педагогической проблемой. Она давно вышла за рамки «детских конфликтов», о которых до сих пор рассуждают отдельные представители администраций образовательных организаций, и приобрела характер устойчивого социального явления, порождающего тяжкие последствия – от расстройств психики до самоубийств и вооружённых нападений на учебные заведения.

Классическое определение буллинга принадлежит норвежскому исследователю Д. Олвеусу: ученик подвергается травле тогда, когда он неоднократно и на протяжении времени становится объектом негативных действий со стороны одного или нескольких других учеников, причём между сторонами существует дисбаланс сил [1]. Три признака здесь ключевые – намеренность, систематичность и асимметрия власти. Именно они отличают травлю от разовой драки или взаимной ссоры равных.

Российский законодатель эту конструкцию не воспринял. Ни Уголовный кодекс, ни Кодекс об административных правонарушениях термина «травля» («буллинг») не знают. Федеральный закон «Об образовании в Российской Федерации» возлагает на образовательную организацию обязанность обеспечивать охрану жизни и здоровья обучающихся и создавать безопасные условия обучения (ст. 28, 41) [2], однако механизма ответственности за неисполнение этой обязанности применительно к травле не устанавливает.

По данным международного исследования PISA, около 27 % российских пятнадцатилетних школьников сообщали, что подвергались травле хотя бы несколько раз в месяц, – показатель заметно выше среднего по странам ОЭСР [3]. Цифра сама по себе говорит о масштабе. Вопрос в том, способен ли действующий уголовный закон дать этому явлению адекватную правовую оценку.

При отсутствии специальной нормы правоприменитель дробит единое по своей природе поведение на отдельные эпизоды и подыскивает каждому подходящий состав. Получается своеобразная мозаика.

Наиболее тяжкие случаи – доведение до самоубийства (ст. 110 УК РФ) и склонение к самоубийству (ст. 110.1 УК РФ). Именно эти нормы применяются, когда травля завершилась суицидом или попыткой суицида. Пленум Верховного Суда РФ разъяснил, что систематическое унижение человеческого достоинства потерпевшего может выражаться в длительном оскорбительном обращении, издевательствах, распространении клеветнических сведений [4]. Формулировка, казалось бы, прямо описывает буллинг – но работает она только «пост-фактум», когда трагедия уже произошла.

Физическое насилие квалифицируется по ст. 112, 115, 116, 116.1 УК РФ, систематические побои и иные насильственные действия, причинившие физические или психические страдания, – по ст. 117 УК РФ (истязание). Угрозы – по ст. 119 УК РФ. Распространение порочащих измышлений в школьном чате – по ст. 128.1 УК РФ. Съёмка и «слив» интимных изображений одноклассницы – по ст. 137, а при определённых условиях – по ст. 242.1 и 240.1 УК РФ. Групповые издевательства, совершённые публично и грубо нарушающие общественный порядок, теоретически охватываются ст. 213 УК РФ, хотя на практике хулиганский мотив в школьной травле доказывается редко. Наконец, оскорбление и побои, не образующие состава преступления, уходят в административную плоскость – ст. 5.61 и 6.1.1 КоАП РФ.

Такой подход имеет три пробела.

Во-первых, теряется системность деяния. Травля – это не сумма эпизодов, а длящееся состояние, в котором жертва находится месяцами. Оценивая каждый толчок и каждое оскорбление изолированно, правоприменитель фактически «размывает» общественную опас-

ность до уровня, при котором ни один эпизод не тянет на преступление. Во-вторых, игнорируется асимметрия сил. Уголовный закон исходит из формального равенства участников конфликта, тогда как суть буллинга – в невозможности для жертвы защититься. В-третьих, объект посягательства определяется неверно. Травля причиняет вред не столько здоровью или чести, сколько психическому благополучию и праву на безопасную образовательную среду.

Как показывает практика, значительная часть форм травли вообще не получает уголовно-правовой оценки.

Прозвища, насмешки над внешностью, порча вещей, публичное высмеивание – всё это может продолжаться годами и разрушить психику подростка, не оставив ни одного медицински фиксируемого повреждения. Ст. 117 УК РФ требует физических или психических страданий, причинённых систематическими побоями либо иными насильственными действиями; чисто вербальная травля под неё не подпадает. Оскорбление же после декриминализации 2011 года переместилось в КоАП, а его «административная» санкция для несовершеннолетнего означает штраф, который заплатят родители.

Травля в мессенджерах и социальных сетях обладает специфическими свойствами: круглосуточность, неограниченная аудитория, анонимность, «вечность» контента. Российское законодательство самостоятельной нормы о кибертравле не содержит; отдельные проявления квалифицируются по ст. 128.1, 137, 119 УК РФ, но большинство – травля в закрытых чатах, создание оскорбительных мемов, организованная «атака» на страницу жертвы – остаются вне правового поля.

Ст. 20 УК РФ устанавливает общий возраст уголовной ответственности в 16 лет, а по перечню составов ч. 2 – 14 лет. В этот перечень входят ст. 111, 112, 117 (ч. 2), 131, 132, 213 (ч. 2) УК РФ, но не входят ст. 110, 110.1, 115, 116, 119, 128.1, 137.

Криминологические исследования показывают, что пик буллинг-активности приходится на возраст 11–14 лет, то есть на период обучения в 5–8 классах [5]. Возникает разрыв: агрессор наиболее активен тогда, когда он ещё не является субъектом преступления по большинству «пригодных» для квалификации статей.

Следует ли снижать возрастной порог? Полагаем, нет. Снижение возраста ответственности вступит в противоречие с принципом гуманизма и с рекомендациями Комитета ООН по правам ребёнка, который прямо призывает государства не опускать минимальный возраст уголовной ответственности ниже 14 лет [6]. Более продуктивен иной путь – развитие мер, предусмотренных Федеральным законом от 24 июня 1999 г. № 120-ФЗ «Об основах системы профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних», включая помещение в специальные учебно-воспитательные учреждения закрытого типа, а также расширение практики школьной медиации.

Отдельный вопрос – ответственность взрослых. Педагог, который знает о травле и бездействует, объективно способствует продолжению посягательства. Ст. 156 УК РФ (неисполнение обязанностей по воспитанию несовершеннолетнего) прямо называет среди субъектов педагогического работника образовательной организации, обязанного осуществлять надзор за несовершеннолетним, – однако требует, чтобы неисполнение было соединено с жестоким обращением. Судебная практика толкует «жестокое обращение» как активные действия самого субъекта; попустительство травле со стороны одноклассников в эту конструкцию укладывается с трудом.

Ст. 293 УК РФ (халатность) применима лишь к должностным лицам государственных и муниципальных учреждений и только при наступлении крупного ущерба либо существенного нарушения прав, что при доказывании также вызывает сложности. Ст. 5.35 КоАП РФ адресована родителям и иным законным представителям. Таким образом, ответственность администрации школы за необеспечение безопасной среды остаётся преимущественно гражданско-правовой (возмещение вреда по ст. 1073–1074 ГК РФ).

Ряд государств пошёл по пути создания специальной нормы.

Наиболее показателен французский опыт. Законом от 2 марта 2022 г. № 2022-299 «О борьбе со школьной травлей» в Уголовный кодекс Франции введена ст. 222-33-2-3, устанавливающая ответственность за *harcèlement scolaire* – повторяющиеся действия, направленные на ухудшение условий обучения, влекущие вред физическому или психическому здоровью потерпевшего. Наказание дифференцировано по последствиям: до трёх лет лишения свободы и штрафа в 45 000 евро в базовом варианте, до пяти лет и 75 000 евро – при неспособности к труду свыше восьми дней, до десяти лет и 150 000 евро – если травля повлекла самоубийство потерпевшего или покушение на него. Норма распространяется и на действия, совершённые с использованием цифровой среды, а её субъектом может быть не только обучающийся, но и работник образовательной организации [7].

Япония после серии подростковых самоубийств приняла Закон о продвижении мер по предупреждению травли 2013 г. Закон определяет «идзимэ» через субъективное восприятие жертвы – как действия, причиняющие ей психические или физические страдания, – и возлагает на каждую школу обязанность разработать собственную антибуллинговую программу, создать постоянно действующую комиссию и незамедлительно сообщать о «серьёзных ситуациях» органам управления образованием [8]. Уголовная составляющая здесь минимальна, административно-организационная – максимальна.

В США антибуллинговое законодательство принято во всех пятидесяти штатах, однако его характер преимущественно школьно-дисциплинарный. Криминализация коснулась главным образом кибертравли: закон Миссури, принятый после гибели Меган Майер, дополнил состав *harassment* признаком использования электронных средств связи. Вместе с тем американский опыт демонстрирует и риски такого пути – в деле *State v. Bishop* (2016) Верховный суд Северной Каролины признал местный статут о кибербуллинге неконституционным как чрезмерно широкий и посягающий на свободу слова, гарантированную Первой поправкой [9]. Урок понятен: специальная норма требует предельно точных признаков.

Криминализация оправданна, но лишь для квалифицированных, наиболее опасных проявлений травли; основную нагрузку должны нести профилактические и восстановительные механизмы.

Целесообразно дополнить главу 17 УК РФ статьёй 117.1 «Травля (буллинг) несовершеннолетнего» следующего содержания (концептуально):

Часть 1. Систематические действия, выражающиеся в унижении чести и достоинства, запугивании, изоляции от коллектива, применении насилия либо распространении порочащих сведений, совершённые в отношении несовершеннолетнего лицом (группой лиц), обладающим фактическим превосходством в силу физических, возрастных, статусных или численных преимуществ, повлекшие причинение потерпевшему психических страданий, – наказываются...

Часть 2. Те же деяния, совершённые:

- а) в отношении лица, находящегося в зависимом положении от виновного;
- б) с использованием информационно-телекоммуникационных сетей, включая сеть «Интернет»;
- в) группой лиц по предварительному сговору;
- г) лицом с использованием своего служебного положения (педагогическим работником, воспитателем, тренером).

Часть 3. Деяния, предусмотренные частями первой или второй, повлекшие по неосторожности причинение тяжкого вреда здоровью либо самоубийство потерпевшего или покушение на него.

Возраст ответственности по ч. 1 и 2 предлагаемой нормы разумно установить общий – шестнадцать лет, по ч. 3 – четырнадцать, дополнив соответствующим образом перечень ч. 2 ст. 20 УК РФ. Параллельно требуется скорректировать ст. 156 УК РФ, прямо указав на по-

пустительство травле как форму неисполнения обязанностей по воспитанию, а также закрепить в ст. 41 Федерального закона «Об образовании в Российской Федерации» обязанность образовательной организации выявлять факты травли и реагировать на них.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Olweus D. *Bullying at School: What We Know and What We Can Do*. Oxford: Blackwell Publishing, 1993. P. 9.
2. Федеральный закон от 29 декабря 2012 г. № 273-ФЗ «Об образовании в Российской Федерации» (ст. 28, 41) // СЗ РФ. 2012. № 53 (ч. 1). Ст. 7598.
3. PISA 2018 Results (Volume III): What School Life Means for Students' Lives. Paris: OECD Publishing, 2019. P. 46–52.
4. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 27 января 1999 г. № 1 «О судебной практике по делам об убийстве (ст. 105 УК РФ)»; см. также разъяснения о признаках систематического унижения человеческого достоинства применительно к ст. 110 УК РФ.
5. Бочавер, А. А., Хломов, К. Д. Буллинг как объект исследований и культурный феномен // Психология. Журнал Высшей школы экономики. 2013. Т. 10. № 3. С. 149–159.
6. Комитет ООН по правам ребёнка. Замечание общего порядка № 24 (2019) о правах ребёнка в системе правосудия по делам детей. CRC/C/GC/24. П. 22.
7. Law No. 2022-299 of March 2, 2022, aimed at combating school bullying // JORF No. 0052 of March 3, 2022; Penal Code (France), Article 222-33-2-3.
8. Закон о продвижении мер по предупреждению травли № 71 от 28 июня 2013 г. (Япония), ст. 2, 13, 28.
9. State v. Bishop, 368 N.C. 869, 787 S.E.2d 814 (N.C. 2016); Mo. Rev. Stat. § 565.090 (Missouri, «Megan Meier Cyberbullying Prevention» amendments, 2008).

REFERENCES

1. Olweus D. *Bullying at School: What We Know and What We Can Do*. Oxford: Blackwell Publishing, 1993. P. 9.
2. Federal Law No. 273-FZ dated December 29, 2012, "On Education in the Russian Federation" (Articles 28, 41) // SZ RF. 2012. No. 53 (Part 1). Art. 7598.
3. PISA 2018 Results (Volume III): What School Life Means for Students' Lives. Paris: OECD Publishing, 2019. Pp. 46–52.
4. Resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation dated January 27, 1999, No. 1 «On Judicial Practice in Cases of Murder (Article 105 of the Criminal Code of the Russian Federation)»; see also the clarifications regarding the signs of systematic humiliation of human dignity in relation to Article 110 of the Criminal Code of the Russian Federation.
5. Bochaver A.A., Khlomov K.D. Bullying as an Object of Research and a Cultural Phenomenon // Psychology. Journal of the Higher School of Economics. 2013. Vol. 10. No. 3. Pp. 149–159.
6. UN Committee on the Rights of the Child. General Comment No. 24 (2019) on the rights of the child in the child justice system. CRC/C/GC/24. Paragraph 22.
7. Law No. 2022-299 of March 2, 2022, aimed at combating school bullying // JORF No. 0052 of March 3, 2022; Penal Code (France), Article 222-33-2-3.
8. The Law on Promoting Measures to Prevent Bullying No. 71 of June 28, 2013 (Japan), arts. 2, 13, 28.
9. State v. Bishop, 368 N.C. 869, 787 S.E.2d 814 (N.C. 2016); Mo. Rev. Stat. § 565.090 (Missouri, «Megan Meier Cyberbullying Prevention» amendments, 2008).

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ

ЮЛИЯ ЮНИРОВНА ГИЛЬМУТДИНОВА – член Межрегиональной общественной организации «Научный пенитенциарный клуб», Уфа, Россия, yuristya@mail.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

YULIA YU. GILMUTDINOVA – member of the Interregional Public Organization "Scientific Penitentiary Club", Ufa, Russia, yuristyfa@mail.ru

Статья поступила 25.08.2026

Принята к печати 25.09.2026